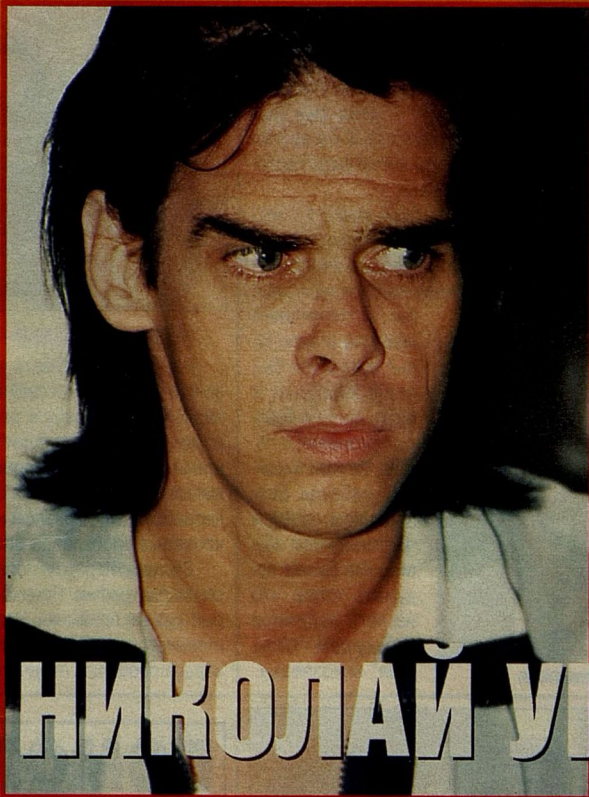

Есть на современной музыкальной сцене несколько человек, которых в нашей стране особенно любят. Речь, разумеется, не идет о членах группы Pink Floyd или гитаристе Ричи Блэкморе: как говорится, есть вещи и есть Вещи. Разговор идет о вполне маргинальных для остального мира фигурах, таких, как Том Уэйтс или Леонард Козн. Их еще называют культовыми личностями.

no
more
shall
we
part

NICK CAVE AND THE BAD SEEDS

НИКОЛАЙ УГОДНИК

К таковым, без сомнения, принадлежит и Ник Кейв: его музыкой, подобно музыке Астора Пьяццолы, уже озвучивают театральные спектакли, а это что-нибудь да значит. Если разбираться в причинах подобной любви, то ответов можно дать несколько: очевидных и неочевидных. Очевидным будет тот, что в России всегда любили мелодичные песни ярко выраженной минорной окраски: загадочная русская душа, как правило, меланхолична. Неочевидным же будет такой: австралиец Кейв — примерно такой же, ну может, из-за отсутст-

вия языкового барьера в меньшей степени, аутсайдер в мире, как и русский человек. Потому там, где другие сочиняют песни про любовь, “бейбу” и весьма специфические проблемы темнокожного молодого человека, он поет угрюмые и изысканные балады с цитатами из Библии и Джона Мильтона. Невзирая на свое вполне лондонское существование, он австраelec до мозга костей — недавно журнал Australian Style признал его, наряду с Кайли Миноуг, “австралийцем столетия”. А это — диагноз: достаточно вспомнить AC/DC

или Midnight Oil, чтобы оценить всю проблематичность тамошней натуры.

Кроме того, Кейв — человек на редкость целомудренный в вопросах коммерции, что не может не роднить его с нашим гражданином, весьма стыдливо относящимся к вопросам частной собственности. В 1996 году MTV решилось двинуть Кейва на соискание приза лучший мужской вокал; тот в ответ прислал письмо, в котором говорилось: "Я полагаю, мне необходимо потребовать, чтобы моя номинация была упразднена и все дальнейшие награды или номинации, которые могут появиться в будущем, были отданы тем, кто чувствует себя более уютно на подобных мероприятиях современательного характера. Я всегда придерживался той точки зрения, что моя музыка уникальна, индивидуальна и существует за пределами области, населенной теми, кто сводит вещи к простым грациям. Я не состою с ними ни с кем".

Не менее проблемны его отношения с рекламой — на предложение фирмы Гар сняться в их ролике он ответил письмом с такой фразой: "Дорогой Гар. Я мог бы надеть твои джинсы, если бы ты заплатил мне миллиард, но и тогда у меня оставались бы претензии". Подписано: "Ник Кейв". В другой раз он объяснял свое отношение к рекламе так: "Я получаю письма, в которых люди рассказывают мне, что они поженились под "The Ship Song" или похоронили своего лучшего друга под "Into My Arms", и я не хочу, чтобы они посмотрели в телевизор и увидели там, что они похоронили друга под рекламный ролик". Отношение, не могущее вызвать в русском человеке ничего, кроме одобрения.

Ну и, наконец, при ближайшем рассмотрении выясняется, что душой Кейв вообще вполне русский человек: в списке десяти оказавших на него самое сильное влияние вещей первые три места занимают Библия, набокховская "Лолита" и "Преступление и наказание". А единственный фильм, на котором, по собственному признанию, он плакал от начала до конца, был фильм Александра Сокурова "Мать и сын". Так что нет ничего удивительного, что под песню "Where The Wild Roses Grow" у нас балдели все — от меломанов до поклонной группы "Руки Вверх!".

К несчастью, со времен этой песни дела Кейва у нас в стране пошли хуже: принципиальная отечественная критика следующий его альбом, "Boatman's Call", отменила за недостаток страсти, под коей у нас обычно понимается расхищение гитар и микрофонов. Некогда Кейв этим славился; но время идет, люди

взрослеют. Сейчас ему 43, он женат на тридцатичетырехлетней женщине, недавно у него родились близнецы. Он не принимает наркотики и песни свои пишет в офисе за компьютером iMac. Во всяком случае, две трети своей новой пластинки, "No More Shall We Part", он сочинил именно таким образом.

Все вышесказанное ставит жирный крест на чаяниях тех, что по сию пору считают его немного сбившимся с пути панком. Кейв называет свою работу взрослой музыкой, оговариваясь, что просто не находит других терминов. На деле пластинка — еще один сборник балад, немного более агрессивный, чем его предшественник, с легкими моментами соула, блюза и даже госпела, но со всем тем — именно сборник балад. Как водится, мелодичных и по большей части минорных.

Хорошо это или плохо? Положа руку на сердце, приходится признать: хорошо. По одной простой причине — Кейв нашел единственно возможный способ достойного взросления. Вот если бы он обладал секретом вечной молодости, то ему, возможно, стоило бы вменить в вину недостаточное ритмическое разнообразие и, как результат, некоторую стилистическую однообразность материала. А может быть, и нет. Ибо есть люди, подобные кумиру Кейва и, в свою очередь, большому его поклоннику Леонарду Козну, которые всю жизнь пели примерно одно и то же. И умудрялись при этом сказать больше, чем кто бы то ни было.

Впрочем, сравнивать Кейва с Козном — тема довольно избитая. Гораздо интереснее сравнить его с самим собою — десятилетней давности. И откроется довольно забавная вещь: в его гармонически вполне своеобразной и однородной музыке произошли изменения только лишь количественного порядка. Если умственно будет сказать так о ритме. Ритм замедлился. Остальное — мелодическое своеобразие, тематика песен, внутреннее их напряжение и их направленный на безмерно сосредоточенное созерцание вектор — осталось прежним. Просто это не сразу заметно.

Поэтому, во избежание недоразумений, в одном из интервью Кейв проговорил главную проблему пластинки сам. "Мне кажется, это очень, очень хорошая запись", — сказал он. — Но она требует нескольких прослушиваний. К сожалению, вы, люди, в состоянии только прослушать ее раз и начать ее обсуждать, но я знаю, что вам нужно услышать ее хотя бы пару раз, чтобы понять".

Тон, конечно, немного мессианский. Ну да и пластинка — на самом деле — куда как хороша.